

ЕЕ НАЗЫВАЛИ ТЕАТРАЛЬНЫМ ЧУДОМ

О блистательной судьбе великой актрисы и ее невидимых миру слезах

В последнее время стало обычным появление статей, развенчивающих МХАТ тридцатых годов, чуть ли не потому, что его любил Сталин. По той же причине иные неонискусствоведы готовы очернить корифеев театра, их талант и судьбы. Тень хулы коснулась и имени Аллы Константиновны Тарасовой — ей не могут простить, что она была лауреатом пяти Сталинских премий. Но положение «первой актрисы страны» — скорее трагедия Тарасовой...

ИМЯ Аллы Константиновны принадлежит истории. Давно ушла эпоха ее славы. Новыми «знатоками» Художественного театра чаще теперь распространяется мнение, будто она и не была «большой актрисой». И как пример приводится ее неуспех в роли Анны Карениной во время гастролей МХАТа в Париже в 1937 году. Сохранившиеся пленки фильма-спектакля «Анна Каренина», снятого спустя пятнадцать лет после премьеры, когда Тарасовой было уже немало лет, действительно компрометируют ее искусство. Между тем современников своих Тарасова изумляла. Это можно понять. Когда смотришь старую ленту «Петр Первый», где Тарасова играла Екатерину, или фильм «Гроза» по пьесе Островского, сразу оказываешься во власти торжествующей женственности тарасовских героинь, уникального таланта русской актрисы.

Тарасова пришла в театр в 1916 году, сыграв на сцене Второй студии Художественного театра роль Финочки в пьесе Зинаиды Гиппиус «Зеленое кольцо». Успех был громадный.

Свидетель триумфа молодой актрисы В. Шверубович, сын Качалова, выдающийся деятель театра, вспоминает: «Свершилось то чудо в истории театра и в жизни Тарасовой, о котором можно делать пьесу: юная, никому не известная актриса стала за несколько дней — в сущности за сутки — любимицей Москвы. Те несколько сот зрителей, покоренных и плененных ею на генеральной и премьере, говорили о ней с таким восхищением, какое не могло не распространиться по городу, не уверить в том, что в Милютинском переулке произошло что-то небывалое. «Чудо в Милютинском» и Алла Тарасова были на языке у тысяч, у десятков тысяч московских театралов... И в этой любви, в этом увлечении не было массовой истерии, не было моды, не было преувеличения — она была действительно удивительно прекрасна».

Шверубович на всю жизнь остался верным поклонником Аллы Константиновны, как и десятки тысяч москвичей и немосквичей, для которых Тарасова в 30-е и 40-е годы была божеством. Те, кто не видел ее, но слышал о ней, мечтали попасть на ее спектакли.

Достать билет на «Анну Каренину», поставленную Немировичем-Данченко в 1937 году, было невозможно. В театр приходили пачки писем от благодарных зрителей. Поздравления и восторженные отзывы сыпались со всех сторон. Спектакль стал событием. Кто мог предвидеть, что спустя пятьдесят лет «Анну Каренину» будут судить за то, что премьеру впервые в истории Советского государства отметили сообщением ТАСС, что спектакль любил Сталин, использовавший успех театра в своих политических целях?..

Да, Тарасова в самом деле трижды избиралась депутатом безгласного Верховного Совета СССР, была непременным участником всех правительственных приемов, ее имя значилось в списке самых выдающихся деятелей культуры. Но кто ведал, что у нее на душе?

Передо мною журнал «Континент», номер 59. В нем — воспоминания неизвестной нам Тарасовой, осуждавшей сталин-

ские репрессии, страдавшей от того, что в результате премий и внимания к ней со стороны Сталина ее считали любимицей диктатора. Автор пишет о трагедии ее жизни, скрытой от всех, кто не знал актрисы близко, о том, что неожиданностью для государственных и партийных инстанций была воля актрисы отпеть ее после смерти в церкви. Отпевание состоялось в Москве, в Елоховском соборе, и по предсмертной просьбе Аллы Константиновны похоронили ее не на Новодевичьем кладбище, где хоронят советскую знать, где покоятся все знаменитости Художественного театра, а на обычном московском кладбище, издавна называемом Немецким (ныне Введенское).

Имя Тарасовой оказалось незащищенным. Никто не написал книгу о ее судьбе, ролях, триумфах, удачах, неудачах, парадоксах биографии. И немногим известно, как непросто был ее путь к славе.

Выйдя замуж молодой девочкой, она рано родила сына и в 1919 году присоединилась к так называемой «качаловской группе», которая вместе с белой армией совершила исход за рубеж. Для Тарасовой не могло быть выбора: она шла вслед за своим мужем А. Кузьминым, служившим у Деникина. Играли в Белграде, Париже, Праге, Берлине. В конце 1921 года «качаловская группа» вернулась в Москву, а Тарасова осталась за границей. Вскоре она присоединилась к труппе Художественного театра, выехавшей в 1922 году на двухгодичные зарубежные гастроли. Их возглавлял Станиславский. Играли в США. Тарасова выходила на сцену Ириной в «Трех сестрах», Аней в «Вишневом саде», Офелией в «Гамлете».

В эмиграции она разошлась с первым мужем. В Москву Тарасова вернулась только в 1924 году — через пять с половиной лет добровольной разлуки с Родиной. Этот свой «грех» она всегда помнила и очень боялась, что когда-нибудь понесет за него расплату, боялась даже тогда, когда вроде бояться уже было нечего. Перед самым концом, перед операцией, лежа в больнице, она испуганно замахала руками на Олега Ефремова, когда он принес ей роман Солженицына. «Уйди, уйди», — тревожно вскрикнула она. Страх навечно поселился в ее душе.

В 60-х и начале 70-х годов она уже сознавала, что во МХАТе неблагополучно, что срочно надо что-то делать, возлагала большие надежды на Ефремова, но причин катастрофы не понимала, советовала отживший даже по тем временам репертуар, была очень растеряна. Возвратить старую атмосферу театра не удавалось. Официализация МХАТа, превратившегося в «первую сцену» страны, в эталон, на который обязаны были «равняться» другие театры, больно отразилась на его судьбе, особенно после смерти Немировича-Данченко.

Забывшись и то, какими нелегкими для Тарасовой были первые годы во МХАТе после приезда из эмиграции. Она исполняла небольшие роли в советских пьесах, без особенного ус-

На снимке: Алла Тарасова в роли Елены в спектакле «Дни Турбиных» по пьесе М. Булгакова (1926 г.).

пеха сыграла Дездемону в «Отелло». Только после Негиной в «Талантах и поклонниках» Островского и Татьяны Луговой во «Врагах» Горького вновь заявила о себе как о первой актрисе Художественного театра. Взрывной темперамент Тарасовой позволил ей с необычайной силой сыграть Машу в «Трех сестрах» — классически совершенном спектакле Немировича-Данченко. С ним была сделана и роль Анны Карениной, которую Тарасова играла почти двадцать лет. В 30-е и 40-е годы спектакль почитался высшим достижением театрального искусства.

В апреле 1943-го умер Немирович-Данченко. В последний почтовый караул встали Москвин, Книппер-Чехова, Тарасова и Тарханов, на зданиях МХАТа и его филиала висели траурные флаги. Смерть его была для Тарасовой как удар по сердцу. Вряд ли она понимала, что конкретно придется пережить театру, но что после смерти Станиславского эта потеря безмерна — сознавала отчетливо. После было много ролей: Елена Андреевна в «Дяде Ване», Раневская в «Вишневом саде», Кручинина в «Без вины виноватых», Варвара Михайловна в «Дачниках» Горького, только ослепительных побед уже не было. Может быть, лишь играл Марию Стюарт в трагедии Шиллера, Тарасова достигала в сцене шестива на казнь прежних высот. Борис Пастернак, переводчик «Марии Стюарт», посвятил актрисе строки: «Все идут вереницей, как сквозь строй алебард, торопясь претендовать на «Марию Стюарт». Молодежь по записке добывает билет и великой артистке шлет горячий привет...»

Артистический талант помогала жить. Помогала и семья: во время войны в одной из своих фронтальных поездок Тарасова встретила с генералом Прониным и, разойдясь со своим вторым мужем, великим русским

артистом Москвиным, вышла за Пронина замуж. Десять лет предшествующего брака обогатили ее внутренний мир, хотя вряд ли принесли женское счастье. Она нашла его в новом замужестве; с третьим мужем они счастливо прожили почти тридцать лет (шутники в театре называли их «старосветскими помещиками»). Тарасова была привязана к сыну, внучке, обожала мать, но МХАТ составлял смысл ее жизни. С ним она пережила время его славы и время его заката, в чем была и ее вина. С годами она становилась на сцене тяжелой, старомодной, обрастала штампами. Ефремов пытался их «снять», работая с Аллой Константиновной над ролью матери в пьесе Рошина «Валентин и Валентина». Она играла хорошо, но все-таки высшие взлеты ее огромного дарования были позади. В свой семидесятилетний юбилей она вышла на сцену и прочла отрывок из седьмой главы «Анны Карениной» — смерть Анны. Зал безумствовал, то был эмоциональный апогей всей ее театральной судьбы...

Сегодня все, что связано с ее именем, — далекая история, слишком насыщенной и плотно мы живем. МХАТ разделен, критики без устали, резко и категорично обсуждают детали его раскола. Привычка наотмашь сбрасывать прошлое коснулась и Тарасовой. Традиция ее исполнения заглушена. Сегодня играют и «Анну Каренину», и «Таланты и поклонники», только после этих спектаклей отчетливо понимаешь, что редко кого природа награждает таким высоким даром и красотой, как А. К. Тарасову. Остро ощущаемая тоска по подлинному искусству невольно заставляла вспомнить об актрисе, десятилетия украшавшей сцену Художественного театра и умевшей рассказывать о женской страстности и чистоте, обо всем том, чего так не хватает в нашей нервной, путаной и трудной жизни.

Виталий ВУЛЬФ.